

Выводы

Таким образом, в русском поэтическом дискурсе лексема *час* наполняется не только семантикой величины и длительности, как номинация отрезка числовой оси некой длительности, но и концептуализируется его событийная содержательность этого самого отрезка. *Час* – это время с качественной спецификой (активное, живое, мимолётное, природное и т. п.), которое фигурирует в качестве вместилища разного рода событий.

Список использованных источников

1. Августин Аврелий. Исповедь. – М., 1991.
2. Артюнова, Н. Д. От редактора [Текст] / Н. Д. Артюнова // Логический анализ языка. Язык и время. – М. : Индрик, 1997.
3. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.
4. Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин. – М. : Русские словари, 2003. – Т. 1. – 1960 с.
5. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
6. Кураш, С. Б. Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.
7. Ревуцкий, О. И. Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие / О. И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 320 с.
8. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
9. Толковый словарь русского языка с включение сведений о происхождении слов / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
10. Яковлева, Е. С. Час в русской языковой картине мира / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 54–76.

УДК 811.161.1.0 (176)

ОНОМАСТИКОН ТРАВЕСТИЙНОГО ТЕКСТА КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР

В. В. Кузьмич,

кандидат филологических наук, доцент, преподаватель факультета
повышения квалификации и переподготовки кадров Мозырского государственного
педагогического университета им. И. П. Шамякина,

г. Мозырь, Республика Беларусь

E-mail: wowency@yandex.ru

В статье рассматриваются дискурсивные аспекты травестийных текстов. В центре внимания находится роль ономастикона в пародии. В исследовании применялась совокупность методов и исследовательских приёмов описательного характера. Ведущим среди них является метод семантического и фоносемантического анализа личных имен, который опирается на методы дефиниционного, компонентного, контекстологического анализа, а также на функционально-

семантический метод, заключающийся в определении особенностей семантики и фоносемантики личного имени с учетом выполняемой им роли в авторском тексте. Методом исследования репрезентации ономастикона травестий является дискурсивный анализ пародийных текстов, в ходе которого выявляются аллюзии и реминисценции, составляющие коммуникативную номинацию травестийного текста. Выявлена и описана травестийная репрезентация личных имен на примере пародий на нескольких авторов. Делается вывод о том, что травестирование ономастикона способно служить одной из форм литературной критики, позволяет лучше понять многие аспекты творчества писателей.

Ключевые слова: дескрипторы языковой личности, травестия, коммуникативная номинация, личное имя, ономастикон.

ONOMASTICON OF A TRAVESTY TEXT AS A TEXT-FORMING FACTOR

V. V. Kuzmich,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Lecturer of the Faculty of PC and PC of the I. P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University, Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: wowency@yandex.ru

The article discusses the discursive aspects of travesty texts. The focus is on the role of the onomasticon in the parody. The study used a set of methods and research techniques of a descriptive nature. The leading among them is the method of semantic and phonosemantic analysis of personal names, which is based on the methods of definitional, component, contextual analysis, as well as the functional-semantic method, which consists in determining the features of the semantics and phonosemantics of a personal name, taking into account its role in the author's text. The method of studying the representation of the onomasticon of travesties is a discursive analysis of parody texts, during which allusions and reminiscences that make up the communicative nomination of the travesty text are revealed. The travesty representation of personal names is revealed and described by the example of parodies of several authors. The conclusion is made that onomasticon travestification can serve as one of the forms of literary criticism, allows for a better understanding of many aspects of writers' creativity.

Keywords: descriptors of linguistic personality, travesty, communicative nomination, personal name, onomasticon.

Введение

Имена собственные в обычных текстах выполняют помимо прямой номинации еще и дополнительные функции. Поскольку любое имя представляет собой звуковой комплекс, то оно обладает и определенным фоносемантическим ореолом, который часто не совпадает с семантикой имени. Так, имя Акакий имеет семантическое значение «борец с несправедливостью». Приставка А обозначает не, корень имени Какос с греческого переводится как плохой. Для русскоязычного же реципиента имя как звукокомплекс воспринимается как нечто слабое, хилое, пассивное и т. д. Все фоносемантические характеристики этого имени совпадают с характером персонажа повести Н. В. Гоголя «Шинель». Для усиления эффекта писатель дает Башмачкину еще и отчество: Акакиевич. На усиление фоносемантического ореола работает и фамилия с уменьшительно-ласкательным суффиксом -ачк- вместо Башмаков.

В текстах пародийных, где трансформации в ходе травестирования подвергаются все аспекты текста, роль личных имен чрезвычайно важна.

В некоторых травестийных текстах личные имена используются только как звуковые комплексы: *Я плавал по Нилу, / Я видел Ирбит. / Верзилу Вавилу бревном придавило, / Вавила у виллы лежит.*

В этой пародии Александра Измайлова на К. Бальмонта коммуникативной подноминацией (КПН) является травестирование идиостиля К. Бальмонта с его чрезмерным увлечением звукописью в ущерб смыслу. Из этой же пародии: *Слуга мой Прокотий / Про копи, про опий, / Про кофий любил говорить.*

Другим способом использования личных имен в ходе травестирования можно считать прямую номинацию личного имени, но с приписыванием персонажу каких-то негативных коннотаций.

В пародии на стихотворение эгофутуриста И. Северянина «Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!» автор пародии Аркадий Бухов опускает «Ломоносова» в малагу и мадеру: *Ломоносов в малаге, Ломоносов в мадере, с ананасом в желудке? Вот это остро.*

Автор пародии заменяет слово «ананасы» словом «Ломоносов», чтобы подчеркнуть футуристические лозунги против классического наследия. В пародии полностью сохранена рифма (чередование мужской и женской) и размер (анapest) прецедентного текста. Есть прямая цитата, подтверждающая отрицательное отношение эгофутуристов к классике, которую можно считать коммуникативной номинацией данного травестийного текста: *Я к поэзии прошлой отношусь, как к химере. / Что писал Ломоносов – ужасно старо.*

Третьим способом использования личных имен в травестированных текстах можно считать их последовательное переименование с использованием ассоциативного механизма восприятия пародии. Обычно это ассоциации парадигматические. Так, в пародии на А. П. Чехова, которая принадлежит пародисту Фритцхену, в квази-тексте «Свадьба» имена персонажей заменяются по тематическому принципу: *Я не Сократ какой-нибудь, чтобы бегать его разыскивать.* В чеховском первоисточнике: *Я не Спиноза какая-нибудь, чтобы ногами кренделя выделывать.* Пародист использовал фамилии двух философов: Сократа и Бенедикта Спинозы. Возможно, что пародист и сам не знал, что Чехов имел в виду не философа Спинозу, а его однофамильца – знаменитого танцовщика Спинозу. В данной пародии такие ассоциативные связи прослеживаются постоянно. Так, телеграфист Ять в оригинальном тексте назван в пародии телеграфистом Ижицей и т. д.

Результаты и их обсуждение

В качестве сравнительного материала для анализа использования ономастического в травестийных текстах возьмем две пародии на одну тему. С. Смирнов и З. Паперный практически одновременно обратились к роману В. А. Кочетова «Чего же ты хочешь?» Роман в 70-е годы XX века был настолько одиозен, что его решились напечатать только в Минске по специальному распоряжению П. М. Машерова. Даже в самый пик застоя, в начале 70-х годов XX века, идеи Кочетова казались уже совершенно мракобесными. Если рассматривать симультанный концепт текста романа «Чего же ты хочешь?», то он сводится к известной формуле, которую выразила через полтора десятка лет Нина Андреева: «Не могу поступаться принципами». Характерно, что больше этот роман ни разу не переиздавался.

Как известно, пародии на конкретного автора являются либо комплиментарными, где пародист как бы любит чертами идиостиля травестируемого автора, либо эпиграмматическими. В них высмеиваются какие-либо негативные, на взгляд пародиста, особенности творческой манеры автора. В данных пародиях острое пародии направлено на политические пристрастия В. А. Кочетова, а также на его эстетические взгляды. Обе пародии как раз и принадлежат ко второму типу. Как С. Смирнов, так и З. Паперный принадлежали к либеральному крылу советской интеллигенции, и взгляды Кочетова вызывали у них крайне негативное отношение.

Рассмотрим, как по-разному используют ономастикон оба пародиста. Естественно, чтобы исходный текст был узнан реципиентом текста, необходимо в тексте пародии указать как можно больше прецедентных языковых единиц. Ономастика в этом смысле играет одну из важнейших ролей.

З. Паперный все личные имена приводит без изменений: Порция Браун, Сабуров, писатель Булатов, который является альтер-эго самого В. А. Кочетова, и т. д. Только один раз пародист использовал личное имя для языковой игры: *Писатель Булатов не любил Булатов. Тех, которые про последний троллейбус поют.* Тут содержится прямое указание на очень популярного среди интеллигенции писателя и барда Б. Ш. Окуджаву. Можно также указать на обыгрывание фамилии самого пародируемого автора. Пародия называется «Чего же он Кочет?»

В других же случаях З. Паперный строит свой пародийный текст «Чего же он Кочет?», используя иные коммуникативные подноминации, не связанные с ономастикой текста.

В пародии всегда на первый план выходят различные аллюзии, намеки автора пародии на какие-то факторы исходного текста. Так, З. Паперный с помощью использования личных имен исходного текста формирует у реципиента вполне определенное отношение к событиям романа и личностным особенностям самого автора: *«Зовите меня просто Сева, удивительно просто и демократично сказал Василий Петрович Булатов Лере Васильевой. И далее: Он похож на горного кочета, расправляющего свои орлиные крылья», – подумалось Лере.*

Особенностью пародии З. Паперного является то, что сами личные имена приводятся без изменений, но каждое такое имя работает в пародии как способ создания КПН. Так, главный положительный герой, по мысли В. А. Кочетова, Феликс Самарин в пародии дает себе такую характеристику: *Я назван Феликсом в честь железного Феликса!*

Лаврентий Виссарионович, – сказала она. – Если бы вы знали, какого я о вас мнения! Здесь пародист контаминирует два имени: Иосиф Виссарионович Сталин и Лаврентий Павлович Берия. Оба этих имени для интеллигенции 70-х годов XX века были совершенно одиозными.

В тексте пародии З. Паперный постоянно использует негативные коннотации при характеристике героев прецедентного текста: *Советская девушка Лера Васильева вышла замуж за итальянца Спада, тезку Муссолини. Вначале он назвался просто Бенюхой, и она, ни о чем не подозревая, поехала с ним в Италию к Бениной матери.* Помимо прямой номинации, здесь еще содержится и аллюзия на хорошо известное обценное выражение, которое дает возможность пародисту выразить свое отношение к ситуации и автору прецедентного текста.

Если для З. Паперного личные имена являются вспомогательным средством создания комизма в пародии, то С. Смирнов, наоборот, выводит на первый план

именно ономастикон исходного текста романа. Пародия называется «Чего же ты хохочешь?». Уже в самом названии пародии обыгрывается заглавие прецедентного текста В. А. Кочетова «Чего же он хочет?» В качестве основного способа создания КПН используется метод ассоциаций: Булатов – Железов, Свешников – Стеаринов и т. д. Кроме того, обыгрывается и внутренняя форма личных имен. Так, нейтральное английское женское имя Порция в пародии используется в значении «доза напитка»: Порция Уиски (Виски). Комический эффект в пародии достигается за счет обыгрывания звучания имен и их семантики для русского языка с неизменно пейоративной коннотацией: *Русский граф Вася Подзаборов, скрывая службу в СС, жил под именем сеньора Базилио Паскуди. Вошел бывший унтер-оберфюрер СС Клоп фон Клоб. Вместе с Паскуди и фон Клобом агентство послало специалистку по антисоветской литературе Порцию Уиски, алкоголичку и наркоманку... Четвертым был фотограф-порнограф Билл Морд.* Как видно из приведенных примеров, пародист последовательно пользуется приемом паронимии: Билл – бил, Морд – морда, Паскуди – паскуда, фон Клоп – клоп и т. д. В фамилии Подзаборов используется ассоциация фонетическая: Сабур –забор.

Аналогичный способ номинации персонажей использовал В. Катаев в своей повести «Трава забвения». Там имена персонажей зашифрованы с помощью сложной системы ассоциаций по тематическому принципу. Так, Маяковский назван Командором, Мандельштам – Щелкунчиком, Есенин – Королевичем и т. д.

Внутренняя форма подобных трансформаций вполне прозрачна и легко прочитывается, декодируется образованным реципиентом. Так, хорошо известно крайне негативное отношение В. А. Кочетова к поэтам-шестидесятникам Б. Окуджаве, Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, Р. Рождественскому и А. Вознесенскому. Пародист С. Смирнов вводит в текст своей пародии имя поэта Онуфрия Христопродаженского. Здесь явно скрывается намек сразу на двух поэтов: Р. Рождественского и А. Вознесенского, у которых внутренняя форма фамилий связана с церковной семантикой.

Выводы

Проанализировав использование личных имен в текстах пародий, можно прийти к следующим выводам.

1. Ономастикон прецедентного текста и ономастикон в пародии находятся в сложном взаимодействии, выполняя определенные функции по созданию коммуникативных подноминаций и выявляя общий смысл травестийного текста.

2. В некоторых пародиях имена собственные используются как звуковые комплексы, лишённые лексической семантики. Пародисты включают такие личные имена, чтобы подчеркнуть смысловую пустоту прецедентного текста, когда автор утрирует звукопись в ущерб смыслу: *Вавила у виллы лежит.*

3. В пародиях имена собственные либо даются без изменений, либо переименовываются: Булатов – Железов.

4. При трансформации личных имен пародисты чаще всего используют психолингвистический механизм создания ассоциаций по тематическому или фонетическому принципам: Билл Морд, поэт Христопродаженский и т. д.

5. Травестирование ономастики текста позволяет автору пародии выполнить роль своеобразного критика, выявить и рельефно показать в гиперболизированном виде черты (дескрипторы) языковой личности пародируемого автора.

Список использованных источников

1. Советская литературная пародия : в 2 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Б. М. Сарнова. – М. : Советский писатель, 1988. – 732 с.
2. Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. – М. : Советский писатель, 1989. – 538 с.
3. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику / Л. В. Сахарный. – Л. : ЛГУ, 1989. – 179 с.

УДК 811.161.3'373.2:821.161.3

ІМЁНЫ ПРАДСТАЎНІКОЎ РУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ Ў ПАЭТАНІМІКОНЕ МАКСІМА ТАНКА¹

В. Р. Слівец,

кандыдат філалагічных навук, старшы выкладчык кафедры педагогікі і псіхалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: olgaslivets@mail.ru

В статье предпринята попытка описания характера включения имён представителей русской литературы в поэтонимикон поэтического дискурса Максима Танка. Выявлен и систематизирован корпус антропонимов из сферы-источника «Русская литература», отобранных путём целевой выборки из поэтических текстов автора, охарактеризованы контексты их употребления и определены способы функционирования таких онимных единиц в поэтонимиконе произведений М. Танка. Установлено, что выделенные прецедентные имена характеризуются преимущественно денотативным употреблением, усложнённой историко-культурной информативностью и образно-символическими ассоциациями, вызванными фоновыми знаниями реципиентов о носителях этих имён.

Ключевые слова: денотативное употребление, коннотация, контекст, поэтонимикон, прецедентное имя.

NAMES OF REPRESENTATIVES OF RUSSIAN LITERATURE IN POETANIMICON BY MAXIM TANK

V. R. Slivets,

cand. Phil. D., senior lecturer of the Department of pedagogy and psychology
of Mazyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin
Mazyr, Republic of Belarus
E-mail: olgaslivets@mail.ru

The article attempts to describe the nature of the inclusion of the names of representatives of Russian literature in the poetonymicon of poetic discourse by Maxim Tank. The corpus of anthroponyms from the source sphere «Russian Literature»,

---

¹Даследаванне здзейснена ў межах Дагавора з БРФФД аб выкананні НДР «Культуралагічны патэнцыял паэтанімікону беларускай філасофска-інтэлектуальнай лірыкі», № Г22М-038 ад 04.05.2022 г.